

КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН: ПРАВО И ПОЛИТИКА

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ РАСКОЛЫ НА ЮГЕ РОССИИ: К ВОПРОСУ ОБ ИХ НАЛИЧИИ

Н.В. Гришин
(Россия, г. Астрахань)

Ключевые слова: электоральные предпочтения, электоральная география, расколы, геоэлекторальная структура.

Key words: electoral preferences, electoral geography, splits, geoelectoral structure.

Теория территориальных размежеваний, или расколов (cleavages), используется в сравнительном исследовании политических феноменов с последней трети XX в. и восходит к работам норвежского географа С. Роккана. Одновременно появились попытки применения данной теории для выявления закономерностей территориальной дифференциации электорального поведения населения.

Многофакторная модель электорального поведения, учитывающая в качестве электоральных факторов социальные расколы (размежевания) берет свое начало с работы С. Липсета и С. Роккана «Партийные системы и размежевание избирателей». Возникает производное понятие «электоральные расколы». Электоральные расколы (в отличие от социальных расколов) можно охарактеризовать следующим образом: это устойчивые различия в электоральном поведении между большими группами избирателей.

Эти расколы могут быть *идеологическими* (либералы против коммунистов, националисты против либералов и коммунистов), *социально-экономическими* (богатые против бедных), *национальными* и *демографическими* (представители пожилых возрастов против молодежи). Наиболее хорошо верифицируемы и очевидны расколы между территориальными общностями избирателей. В данном контексте такие электоральные расколы можно представить как отличия в электоральном поведении между избирателями различных территорий. Придерживающиеся данной методологии авторы изучают социокультурные и территориальные расколы, которые проявляются в процессе голосования и имеют непосредственное географическое выражение [5, с. 8]

В политической науке в 1990-е гг. (первоначально – в американской политологии) шла дискуссия о том, в какой степени «теория расколов» подходит для объяснения политической жизни постсоветской России [8]. В конечном итоге получила распространение точка зрения, что политические расколы представлены в России в меньшей степени, чем в Западной Европе.

В настоящее время теория электоральных расколов в изучении российской политики получила значительное распространение. Вопрос о возможности и перспективности ее применения в нашей стране решен, в целом, положительным образом.

Наряду с этим, на современном этапе возникает следующий вопрос – можно ли говорить об исчезновении в России 2000-х гг. электоральных расколов на фоне повсеместного успеха «партии власти»? Данная статья посвящена вопросу, имеет ли место исчезновение или «сглаживание» электоральных расколов в России в 2000-е гг.

В политической науке сложились основные подходы по вопросу о видах электоральных расколов в России.

Г. Китчелт еще в 1992 г. сформулировал гипотезу о том, что посткоммунистические партийные системы формируют два политических раскола: лево-правый (социально-экономический) и авторитарно-либертарный [7, р. 447–471]. В результате их сочетания формируется оппозиция между теми, кто поддерживает идеи государст-

венного вмешательства в экономику при сохранении авторитарных форм правления, и теми, кто совмещает приверженность рыночной экономике с «либертарной» позицией по вопросам гражданских прав и свобод.

В 1990–2000-е гг. феномен политических расколов в электоральном процессе России изучали С. Уайтфилд [9, р. 21–56], Р. Роршнайдер [8] и Дж. Эванс [6]. В совместном исследовании С. Уайтфилд и Дж. Эванс отмечают, что политические расколы рождаются в большей степени противоречиями интересов избирателей, а не действиями элит и органов исполнительной власти [6].

Р.Ф. Туровский предложил типологию следующих горизонтальных расколов, характерных для российского электорального пространства.

1. Раскол «город-село» – это фундаментальный фактор различий в электоральном поведении избирателей, и в России он выражен еще сильнее, чем в зарубежных странах.

2. Раскол «центр-периферия». Этот раскол связывает степень голосования за правые партии со степенью развитости инфраструктуры и диверсифицированностью города.

3. Раскол «Север-Юг». Левотрадиционалистская культура Юга объясняется влиянием сельских культурных традиций на местные города, выросшие из сельского окружения. В северных городах, оторванных от сельской культуры, электоральное поведение иное [3, с. 84–86].

В исследованиях А.С. Ахременко в качестве наиболее характерных для России электоральных расколов были выделены: лево-правый раскол и его вариации (раскол по отношению к консервативным политическим силам, раскол по отношению к либеральным силам) и раскол по отношению к «партии власти» [1, с. 14].

А.С. Ахременко связывает электоральные размежевания в России с территориальной дифференциацией по линии «центр-периферия»: «В большинстве случаев «полоса» электоральных расколов формируются одним и тем же составом территорий. Другими словами, структура электорального пространства определяется устойчивыми различиями между группами городов и районов. Как правило, это ключевое различие между «центральными» и «периферийными» территориями. Первые характеризуются более высокой урбанизацией, развитостью рыночных отношений и экономики в целом, меньшей долей пенсионеров; прежде всего, это административные центры регионов. Вторая группа представлена в основном сельской периферией».

Можно отметить, что электоральные расколы могут быть так же «субъективными», под которыми следует понимать устойчивую дифференциацию электоральной поддержки по отношению к отдельно взятым политическим партиям или лидерам. В частности, дифференциация политической поддержки ЛДПР является совершенно специфической и не коррелирует с дифференциацией политической поддержки, например, либеральных партий.

В отношении же большинства политических субъектов России территориальная дифференциация электоральной поддержки тесно взаимосвязана, либо прямо, либо обратным образом.

Многие современные исследователи отмечают значительные изменения в электоральном поведении в России, произошедшие в 2000-е гг. Изменилось содержание различия в политическом поведении в рамках определенных в 1990-е гг. электоральных расколах. В частности, А.С. Ахременко признает наличие двух этапов в электоральной истории современной России: 1990-е и 2000-е гг. В сравнении двух данных этапов изменились сравнительные особенности электорального поведения в «центре» и на «периферии»: «в 1990-х гг. периферийные с точки зрения социально-экономического развития территории формируют полюс поддержки лево-консервативных оппозиционных сил, «центральные» – право-реформаторских сил и партии власти. В 2000-х гг. наблюдается «смещение» партий и кандидатов власти в сторону консервативного полюса. Другими словами, наиболее высокая поддержка кандидатов и партий власти в последнем электоральном цикле наблюдается на периферийных территориях» [1, с. 18]. Так же к данному тезису можно добавить, что в

2000-е гг. на «периферии» более быстрыми темпами сокращается поддержка левой оппозиции.

По мнению А.С. Ахременко, на современном этапе в России происходит «снижение значимости традиционного идеологического – лево-правого – размежевания» [2, с. 17].

В 2007 г. Р.Ф. Туровский высказал предположение, что под влиянием административного фактора большинство из существовавших ранее расколов оказались сглажены [4, с. 2]. Тем не менее, по мнению эксперта, расколы есть, но они сместились с межрегионального уровня на субрегиональный. Так, село под давлением административного ресурса стало голосовать исключительно за партию власти, фактически лишив коммунистов их «красного пояса».

По нашему мнению, о «сглаживании» электоральных расколов в России в 2000-е гг. можно говорить лишь в свете ликвидации «красного пояса» и высокой повсеместной поддержке действующей партии власти. В том же, что касается территориальных отличий электорального поведения населения, исчезновения электоральных расколов не происходит – ни на межрегиональном уровне, ни на субрегиональном.

В нашем исследовании мы опираемся на результаты применения двух статистических показателей – коэффициента вариации (V) и отношения максимального к минимальному показателю. Отметим, что при использовании коэффициента вариации условный «порог однородности» составляет 33 %; показатели с более высоким значением сигнализируют о неоднородности анализируемой совокупности.

Объектом анализа были эмпирические данные результатов парламентских выборов с 1995 по 2007 гг. в Южном федеральном округе. В настоящей статье рассмотрены показатели дифференциации поддержки ведущих партий, кроме партии власти, поскольку вопрос о ней совершенно ясен. Федеральная партия власти – это единственный сегмент политического спектра России, в отношении которого территориальная дифференциация электоральной поддержки, безусловно, ослабевает.

Рассмотрим результаты применения выбранных нами статистических методов по отношению к электоральным ориентациям населения в разрезе субъектов федерации (на межрегиональном уровне).

В таблицах 1 и 2 представлены данные, свидетельствующие, что в 2000-е гг. территориальная дифференциация электорального поведения на уровне субъектов федерации Юга России возросла.

Таблица 1

Коэффициент вариации (V) электоральной поддержки отдельных политических сил по субъектам федерации Юга России на парламентских выборах 1995–2007 гг.

	1995 г.	1999 г.	2003 г.	2007 г.
КПРФ	45 %	34 %	46 %	60 %
ЛДПР	60 %	58 %	70 %	75 %
Либеральные партии	47 %	53 %	40 %	72 %

Таблица 2

Отношение максимального и минимального результатов электоральной поддержки отдельных политических сил по субъектам федерации Юга России на парламентских выборах 1995–2007 г.

	1995 г.	1999 г.	2003 г.	2007 г.
КПРФ	8,5	23,2	19,8	121
ЛДПР	16,7	15,8	38,5	150
Либеральные партии	8,6	8,2	6,1	26

В табл. 2 содержатся сравнительные данные не по всей совокупности переменных, а только по крайним точкам электоральной поддержки. Наряду с использованием коэффициента вариации, эти данные подтверждают, что кампания 2007 г., несмотря на повсеместный триумф Единой России», отличается чрезвычайным обост-

рением межрегиональных различий электорального поведения населения. По сравнению с данными 2007 г. показатели размежевания электорального поведения от 1995 г. меньше во много раз.

По отношению к ведущим политическим силам выделяются 3 группы регионов ЮФО, имеющих сходные показатели электорального поведения. Данные устойчивые различия детерминированы в решающей степени объективными факторами; особое значение необходимо признать за этническим фактором.

Группа национальных республик Северного Кавказа делится на две достаточно ярко выраженные зоны со специфичными электоральными результатами. Первую электоральную зону образуют Ингушетия, Чечня, Дагестан и Кабардино-Балкария. Для этих территорий как в 1990-е, так и в 2000-е гг. свойственна наибольшая степень поддержки федеральной власти и наименьшая степень поддержки КПРФ и ЛДПР. Именно эти территории наиболее часто в оценках разных экспертов получают определение регионов с «управляемым» электоратом. Вторую группу национальных республик Северного Кавказа составляют Адыгея, Карачаево-Черкесия, Калмыкия и Северная Осетия. Для данных регионов в меньшей степени, чем для первой группы, свойственна нестабильность электоральных ориентаций, и поддержка оппозиционных сил была более высокой. Третью группу регионов Юга России составляют так называемые «русские» или территориальные субъекты федерации (Астраханская, Волгоградская, Ростовская области, Краснодарский и Ставропольский края). По сравнению с национальными республиками здесь более высокий уровень поддержки либералов, «новых левых» партий («Родины», а впоследствии – «Справедливой России»), более умеренная поддержка современной федеральной партии власти.

На субрегиональном уровне (в разрезе территориальных избирательных комиссий) показатели индикаторов так же свидетельствуют о сохранении электоральных размежеваний. В качестве объекта для анализа рассмотрим результаты голосований на федеральных выборах в Астраханской области (табл. 3 и 4).

Таблица 3

Коэффициент вариации (V) электоральной поддержки отдельных политических сил по ТИК Астраханской области на парламентских выборах 1995–2007 гг. (%)

	1995 г.	1999 г.	2003 г.	2007 г.
КПРФ	30	22	17	24
ЛДПР	32	27	27	38
Либеральные партии	51	51	51	46

Таблица 4

Отношение максимального и минимального результатов электоральной поддержки отдельных политических сил по ТИК Астраханской области на парламентских выборах 1995–2007 гг.

	1995 г.	1999 г.	2003 г.	2007 г.
КПРФ	3,5	2,4	2,5	2
ЛДПР	2,6	3,2	3,4	5,2
Либеральные партии	4,4	3,8	4,5	4,6

Согласно приведенным данным, на субрегиональном уровне нельзя констатировать существенное изменение территориальной дифференциации поддержки таких политических сил, как либералы и ЛДПР. По отношению к КПРФ ситуация особая.

В большинстве субъектов федерации России можно наблюдать сокращение территориальной дифференциации поддержки КПРФ по сравнению с серединой 1990-х гг. Это вызвано сокращением электоральной базы коммунистов на селе (особенно в период электоральной гегемонии современной партии власти) при относительной устойчивости их избирателей среди городского населения. В связи с этим можно заметить, что возникающее при этом «сглаживание» различия электорального отношения к коммунистам в «городе» и «селе» происходит при противоположных тенденциях

динамики электорального поведения. Таким образом, среди городского населения, особенно на рубеже 1990–2000-х гг. присутствовала тенденция укрепления электоральных позиций левой оппозиции, в то время как одновременно на «селе» ее поддержка стремительно сокращается. Вряд ли данное явление может быть охарактеризовано как свидетельство исчезновения различия электорального поведения в «городе» и «селе»; скорее наоборот, оно обнаруживает противоположные тенденции в этих двух типах территорий.

В исследованиях А.С. Ахременко его тезис о снижении значения электоральных размежеваний между территориями может быть оспорен на основании его собственных работ. По его данным на основе компонентного анализа диапазон факторных значений по оси идеологического размежеваний составлял на парламентских выборах в 1995 г. 1,5, в 1999 г. – 1,5, в 2003 г. – 1,3 [2, с. 3–7]. Значимого снижения дифференциации идеологических размежеваний не наблюдается.

Таким образом, на фоне повсеместно высокой поддержки партии власти территориальная дифференциация электорального поведения населения не только не сокращается, но по отдельным параметрам возрастает. Электоральные расколы остаются существенной особенностью российского электорального пространства.

Библиографический список

1. *Ахременко, А. С.* Электоральное пространство России: структурная эволюция / А. С. Ахременко // Политические практики. – 2007. – № 2 (5).
2. *Ахременко, А. С.* Электоральные структуры и социальные размежевания в регионах России / А. С. Ахременко, А. В. Анисимова, В. В. Горбатова, А. Ю. Дербек, С. А. Евтушенко, С. В. Жигжитов, М. П. Леandroва, Ю. И. Левшенко, Н. Ю. Лукс, С. В. Мушнин, С. Г. Филиппова // Политические практики. – 2007. – № 2 (5).
3. *Туровский, Р. Ф.* Политическая география / Р. Ф. Туровский. – Смоленск, 1999.
4. *Хамраев, В.* Административный ресурс распоясал регионы / В. Хамраев // Коммерсантъ. – 2007. – № 219.
5. *Эволюция* электорального ландшафта / под ред. А. Сидоренко. – М., 2005.
6. *Evans, G.* Explaining the Formation of Electoral Cleavages in Post-Communist Democracies / G. Evans, S. Whitefield. – Режим доступа: www.uh.edu/democracy/evansr.pdf, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
7. *Kitschelt, H.* The formation of party system in East Central Europe / H. Kitschelt // Politics and society. – Los Altos, 1992. – Vol. 20, № 1.
8. *Rohrschneider, R.* Understanding Cleavages in Party Systems: Issue Position and Issue Salience in 13 Post-Communist Democracies / R. Rohrschneider, S. Whitefield. – Режим доступа: www.indiana.edu/~west/documents/Rohrschneider_Whitefield.pdf, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
9. *Whitefield, S.* Political cleavages and post-communist politics / S. Whitefield // Annual Review of Political Science. – 2002. – № 5.

«СУВЕРЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ» ИЛИ «МЯГКИЙ АВТОРИТАРИЗМ»? РОССИЙСКИЙ РЕЖИМ В ОТРАЖЕНИИ ПОЛЕМИЗИРУЮЩИХ ДИСКУРСОВ

В.В. Серкин
(Россия, г. Астрахань)

Ключевые слова: суверенная демократия, мягкий авторитаризм, режим, доктрина, социологический опрос.

Key words: sovereign democracy, soft authoritarianism, regime, doctrine, public opinion poll.

На протяжении всего второго срока президентства Путина усиливалась критика России на Западе по проблеме прав человека и демократии. Помимо вопроса давле-